

НУЛЕВОЙ УРОЖАЙ

ИИ

Елизавета Моревская

Елизавета Моревская Нулевой урожай

<https://litres.ru/74661297>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если растения больше не дают семян, а запасов хватит лишь на один сезон?

Мара замечает сухой колос, потом — пустые стручки. Жара меняет поле, цветы не завязывают семян, а жители спорят о виноватых. Чтобы спасти будущее, мало угадать причину: нужно наблюдать, проверять решения и признать цену ошибки.

«Нулевой урожай» — климатическая фантастика о поселении на краю голода. Доверие здесь держится на прозрачных правилах, честном учёте потерь и общей ответственности. Героям предстоит искать новые источники пищи, беречь семена и знания, учиться на неудачах и создать общий сад — без гарантий хорошего сезона.

Для тех, кому близки истории о выживании, непростом выборе и общей ответственности. Это рассказ о стойкости без иллюзии контроля: новый цикл начинается с честного признания потерь и готовности менять путь.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Последняя жатва до перемены	5
Пустые стручки	17
Когда ошибка повторяется	29
Совет у зернового элеватора	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елизавета Моревская

Нулевой урожай

Нулевой урожай

Елизавета Моревская

Последняя жатва до перемены

Мара придержала ладонью край платка, чтобы его не унесло ветром, и потянулась к колосу. Сухие ости царапнули запястье. Она растёрла зерно между пальцами, прислушалась к хрупкому шороху и бросила шелуху в жестяную коробочку с пробами.

— Опять считаешь? — крикнул кто-то за спиной.

— Если перестану, колосья от этого тяжелее не станут, — ответила Мара.

Её слова потонули в гуле комбайна. Машина шла по краю поля, неторопливо, как большой красный зверь, скашивая золотистую полосу. За ней тянулся пыльный след. Солнце над поселением стояло белое, расплавленное, и даже тени под навесами казались выцветшими. Пахло сухой травой, горячим металлом и хлебом: к празднику уже вынесли из печи первые караваи.

Люди собрались на пригорке у жатвенного поля. Дети носились с лентами на руках, старики сидели на складных стульях, фермеры хлопали друг друга по плечам и обсуждали цены, запчасти, кто что успел починить до осени. Каждый год этот день начинался почти одинаково. Сначала первая жатва, потом общая трапеза, потом музыка и разговоры до темноты. Урожай считали не подарком, а обещанием: будет зерно — значит, будет зима, будет весна, будет следующий

год.

Мара тоже знала этот порядок с детства. Но в последние недели обещание стало звучать тише.

Она расстегнула сумку, достала маленькие весы и положила на чашку несколько колосьев. Иголочка качнулась, задержалась ниже отметки, которую Мара помнила по прошлому сезону. Она проверила прибор, обнулила его, повторила измерение. Результат почти не изменился.

— Для праздничного утра у тебя очень суровое лицо, — сказал Илья.

Он подошёл, вытирая ладони о брезентовую куртку. На виске у него серебрилась седина, а широкие пальцы были испещрены старыми порезами. Илья учил Мару читать поле задолго до того, как она поступила на агронома. Он мог по цвету пыли определить, откуда ночью дул ветер, и без календаря помнил, когда в поселении обычно зацветали бобы.

Мара убрала весы.

— Колосья легче.

— Ты измерила три штуки.

— Семь.

— Семь — тоже не все поле.

— Я взяла с трёх краёв и из середины.

Илья посмотрел на коробочку с пробами, потом на золотой склон. Его глаза, выгоревшие за десятки лет на солнце, казались почти бесцветными.

— Жара. Зерно налилось быстро, колос подсох раньше

обычного. В прошлом году мы жаловались, что уборка затянулась. В этом жалуемся, что пришла раньше.

— Не на неделю раньше.

— На пять дней.

— По журналу цветение сдвинулось на двенадцать.

Он тихо вздохнул, без раздражения, но Мара услышала в этом вздохе просьбу оставить праздник в покое.

— Сезон был трудный, — сказал Илья. — А трудные сезоны не обязаны что-нибудь означать.

— Конечно.

— Вот и хорошо.

Он похлопал её по плечу и направился к людям, которые махали ему с помоста. Мара не стала его останавливать. Слова наставника были разумными, даже справедливыми. Один необычный замер ничего не доказывал. Пять дней разницы сами по себе не становились катастрофой. И всё же она заметила, как Илья не посмотрел на её коробочку второй раз.

Несколько месяцев назад они вместе отмечали начало цветения. Мара тогда поставила колышки у пробных грядок, записывала число распутившихся соцветий и каждый вечер сверяла их с температурой. Весна прошла почти без дождя. Потом пришла жара, ровная и долгая, словно кто-то забыл выключить печь. Ночью земля остывала медленно. Вода в каналах доходила до дальних участков к полудню, когда листья уже сворачивались по краям.

Ничего из этого не было секретом. Все видели сухие рус-

ла, все поправляли расписание полива, все просыпались от жары среди ночи. Но поле по-прежнему росло. Пшеница вытянулась, бобы завязались, на лозах налились стручки. Знакомые признаки стояли на своих местах, и потому люди продолжали доверять привычному окончанию сезона.

На помост поднялась старейшина поселения, тётя Рада, с венком из колосьев на седых волосах. Она провозгласила начало жатвы, поблагодарила тех, кто чинил насосы, косил обочины и делился водой с соседями. Люди засмеялись, когда она назвала комбайн «самым терпеливым работником нашего хозяйства». Дети затопали ногами. Кто-то ударил в бубен.

Первый сноп срезали вручную. Так делали всегда: даже после того, как поле стало слишком большим для серпов, первые стебли проходили через человеческие ладони. Илья протянул нож Маре. Она обхватила стебли, свела их вместе и перерезала одним движением. Сноп лёг ей на руку неожиданно легко.

На мгновение её пальцы задержались на сухих колосьях.

— Ну что? — шепнул Илья. — Подтверждение твоего дела?

Она не ответила. Вокруг хлопали и улыбались. Тётя Рада подняла первый сноп, и толпа снова загудела. Мара заставила себя улыбнуться тоже. Праздник не был притворством. Люди действительно много работали, действительно хотели поблагодарить друг друга, действительно радовались тому,

что урожай дошёл до жатвы. Тревога не отменяла этой радости. Но и радость не могла отменить того, что она видела.

После церемонии комбайн продолжил движение, а люди разошлись к столам. Мара пошла вдоль бобового участка, где уборку собирались начать ближе к вечеру. Он располагался ниже пшеничного поля, за канавой, и весь сезон получал воду из старого ответвления. Бобы были невысокими, листья потемнели от солнца, зато стручки на нижних ветках выглядели созревшими.

Она опустилась на корточки у ряда. Сняла с растения один стручок, ощутила его твёрдость и вес, провела ногтем по шву. Он был сухим, слегка шершавым, вполне зрелым. Мара уже собиралась положить его в сумку, когда заметила другой: такой же бурый, но сморщенный на кончике. Он почти ничего не весил.

Она осторожно отделила его от ветки.

— Ты нашла что-то интересное? — спросила проходившая мимо Лида, соседка с верхнего участка.

— Пока не знаю.

Мара перекатила стручок между пальцами. Внутри не стукнуло ни одно семя. Она прижала его к уху и потрясла. Ничего. На подсолнечной жаре шелуха могла высохнуть раньше срока, но стручок должен был набрать вес. Или семена созрели и осыпались через повреждённый шов. Или это была случайная ветка с поздним цветением. Существовали объяснения, и каждое из них было правдоподобным. Имен-

но поэтому Мара не стала выносить суждение.

Она положила стручок в отдельный бумажный конверт и написала на нём карандашом: «Проверить». Потом пошла к столам.

Там уже резали хлеб и раскладывали печёную тыкву. Музыканты настраивали струны, а мальчики спорили, кому достанется почётное место у комбайна, когда начнётся большая жатва. Илья стоял рядом с тётей Радой, отвечал на вопросы о количестве зерна и показывал на поле, где с утра успели убрать первые полосы.

— Видишь? — сказал он, заметив Мару. — Праздник идёт по расписанию. Поле тоже.

Мара посмотрела на его ладонь, лежавшую на краю стола. Ей захотелось достать конверт и показать ему стручок. Но сейчас вокруг было слишком много голосов. Не потому, что она боялась услышать насмешку. Скорее, боялась сказать больше, чем знала.

— Я проверю одну пробу вечером, — сказала она.

— Проверяй. Только не делай из одного сухого стручка доклад для всего поселения.

— Я и не собиралась.

Илья кивнул с благодарностью, словно она пообещала оставить ему спокойный день.

Солнце медленно опускалось, но жара не отступала. Ветер поднял пыль с дороги и разнёс её над столами тонкой золотой дымкой. Люди пели старую жатвенную песню, в ко-

торой говорилось о дождях, приходящих вовремя, и о зерне, которое возвращается в землю. Мара знала слова с детства. Она пела вместе со всеми, но в голове продолжала перебирать возможные объяснения. Случайность. Недостаток влаги в нижней части участка. Повреждение насекомыми. Неполное опыление. Одиночный пустой стручок не давал права выбирать между ними.

Когда на поле зажгли переносные фонари, Мара достала из сумки журнал. Она взяла его с собой не для праздника, но теперь он лежал у неё на коленях, тёплый от солнца. На странице оставались свободные строки. Мара провела пальцем по краю бумаги и закрыла обложку.

Илья подошёл с кружкой воды.

— Ты всё ещё думаешь о нём?

— Да.

— Может быть, шов разошёлся. Семена могли выпасть.

— Шов целый.

— Тогда, может быть, поздняя завязь.

— Проверю.

— Ты всегда хочешь проверить всё сама.

— А что в этом плохого?

Илья прищурился, глядя на поле, где последние полосы пшеницы исчезали под жаткой.

— Ничего. Только не каждую тревогу нужно приносить людям, пока у неё нет имени.

Мара посмотрела на него. Ей хотелось согласиться, чтобы

снова почувствовать себя частью общего вечера. Она могла отложить стручок до утра, а утром осмотреть его при дневном свете. Могла записать находку позже, когда вокруг не будет празднующих, когда каждое слово не станет звучать как обвинение.

Но если она не запишет место и время сейчас, некоторые детали изменятся в памяти. Если оболочка окажется повреждённой, это надо будет знать. Если нет, это тоже будет важно. Мара поняла, что откладывает не проверку, а неприятное чувство, которое возникнет, если запись окажется правдой.

— Я не знаю, что это значит, — сказала она. — Но хочу знать, что именно нашла.

Илья задержал на ней взгляд, затем отвёл глаза.

— Тогда иди и узнай.

Она отошла к краю поля, где фонарь на стойке освещал узкую полосу земли. Свет дрожал от ветра. Мара вынула стручок из конверта и положила его на раскрытую ладонь. При дневном солнце он казался просто сухим и невзрачным. Теперь его поверхность блестела жёсткими, почти белыми нитями.

Она достала маленький нож и осторожно провела лезвием вдоль шва. Оболочка поддалась с тихим щелчком.

Внутри была только сухая, светлая перегородка. Ни одного семени. Ни сморщенного зерна, ни следа, где оно могло бы держаться. Пустая оболочка раскрылась на её ладони, лёгкая, как бумажный обрывок.

Мара не сразу пошевелилась. За её спиной смеялись, гремели кружки, кто-то хлопал в ладоши под музыку. Фонарь потрескивал. Она наклонилась ближе, осмотрела внутренние стенки стручка, затем проверила шов и основание. Повреждений не было.

Она не знала, что это означает. Не знала, случилось ли такое с одним растением или с десятками. Не знала, была ли причина в жаре, воде, пылице или в чём-то, чему у них ещё не было названия. Но знала, что пустота внутри стручка не исчезнет, если притвориться, будто его не было.

Мара открыла полевой журнал. На чистой строке аккуратно вывела дату и время: «17 августа, 21:16». Потом достала термометр, закреплённый на ремне сумки, дождалась, пока цифры перестанут меняться, и записала: «Температура воздуха в тени — 27,8 °C». Ниже обозначила место: «Бобовый участок у восточной канавы, ряд 6, растение 14». И следом: «Стручок сухой, зрелый на вид. Шов цел. Семян нет».

Она перечитала запись. Ей хотелось добавить: «Первый», но откуда она могла знать, что первый? Возможно, другие уже попадались кому-то в корзину, и их выбросили как случайный мусор. Мара зачеркнула слово, которое успела вывести на полях, и оставила только проверенные факты.

Затем она завернула оболочку в тот же конверт и вложила его между страницами журнала.

Илья ждал у фонаря. Он не спросил, что она увидела. Вместо этого протянул ей кружку воды. Мара отпила, чувствуя

сухую прохладу на языке.

— Там нет семян, — сказала она.

Илья посмотрел на конверт.

— Один стручок?

— Один, который я нашла.

— Это ещё не урожай.

— Я знаю.

— И не причина будить поселение.

Мара закрыла журнал.

— Я не собираюсь говорить, что знаю причину. Я собираюсь сказать, что нашла.

На мгновение между ними остался только шум комбайна, уже остановившегося за полем. Потом Илья кивнул, но его лицо стало усталым.

Они вернулись к столам вместе. Музыка всё ещё играла, хотя разговоры становились громче и свободнее. Мара поднялась на низкий помост, где тётя Рада собиралась объявить итог первого сбора. Она не стала просить тишины: просто раскрыла журнал и произнесла достаточно громко, чтобы её услышали ближайшие столы.

— Я нашла на бобовом участке зрелый стручок без семян.

Смех оборвался не сразу. Несколько человек продолжали говорить, не заметив её слов. Потом тётя Рада повернулась. Кто-то у входа перестал хлопать в ладоши. Музыкант опустил смычок.

— Один? — спросил фермер с нижней улицы.

— Один, который я обнаружила сегодня.

— Наверное, просто не завязался, — сказал кто-то из-за стола.

— Может быть, — ответила Мара. — Я записала место, дату и температуру. Завтра проверю участок внимательнее.

Она не добавила ничего о будущем. Не назвала случившееся бедствием, не попросила отменить праздник и не попыталась убедить людей бояться. Просто держала журнал открытым, а на соседней странице виднелись цифры: дата, время, градусы, ряд и номер растения.

Тётя Рада посмотрела на неё, затем на людей.

— Хорошо, что записала, — сказала она наконец. — Утром разберёмся.

Это не вернуло музыке прежнюю лёгкость. Но и праздник не исчез. Кто-то снова налил чай. Дети продолжили делить хлеб. На поле покачивались фонари, освещая срезанные стебли и узкие дорожки между грядками. Илья стоял рядом с Марой, не касаясь её плеча и не уходя.

Она знала, что завтра придётся пройти по ряду за рядом, заглянуть в стручки, сравнить растения, позвать на помощь. Возможно, находка останется единственной. Возможно, нет. Пока у неё была только сухая оболочка и честная запись о том, где она её нашла.

Мара закрыла журнал, но конверт оставила внутри, на самой первой странице нового раздела. Праздничные голоса поднялись снова, осторожнее прежнего. В темноте бобовые

кусты стояли неподвижно, каждый со своими стручками, и ни один из них ещё не рассказал, что хранит внутри.

Пустые стручки

На рассвете Мара уже стояла у бобового участка. Ночная прохлада держалась в низинах, но над грядками висел сухой запах нагретой земли. Она раскрыла журнал на первой странице нового раздела и положила рядом вчерашний стручок. За ночь он не изменился: сморщенная оболочка, лёгкая, почти невесомая. Внутри по-прежнему ничего.

— Значит, проверим, — сказала она.

Тави, её ученик, поднял с земли плетёную корзину. Под мышкой у него был планшет с листами, прихваченными деревянной дощечкой.

— Всё поле?

— Сначала один ряд. Потом соседний. А дальше решим по тому, что увидим.

— Если мы уже знаем, что пустой стручок один, зачем начинать с одного ряда?

Мара посмотрела на него. Вопрос был разумный, но в нём уже пряталось предположение: что находка одна.

— Мы знаем только, что один стручок был пустым, — сказала она. — Остальное пока не знаем.

Тави кивнул и раскрыл лист. Вверху он вывел: «Бобовый участок. Утро». Ниже оставил место для даты, температуры и результатов.

— Температуру запиши сейчас и ещё раз в полдень, —

сказала Мара. — А пустыми будем считать те стручки, где нет ни одного сформировавшегося семени. Если семя есть, но оно маленькое, отметим отдельно.

— Даже если оно совсем крошечное?

— Особенно если совсем крошечное.

Она показала ему, как двигаться по ряду: не выбирать самые сухие или самые подозрительные стручки, а брать каждый пятый куст, затем по два стручка с него — верхний и нижний, если оба созрели. Тави записал порядок и прочитал вслух, проверяя, не пропустил ли что-нибудь.

— Каждый пятый куст. Два стручка. Не выбирать по виду. Пустой — ни одного сформировавшегося семени. Маленькое семя — отдельная отметка.

— Хорошо. Теперь сделай это сам.

Тави прошёл вдоль ряда, отсчитывая кусты губами. Первый стручок он снял слишком быстро и чуть не раздавил. Мара остановила его, показала, как придерживать оболочку у плодоножки, чтобы не смять то, что они собираются изучать.

Первые несколько стручков оказались обычными: внутри лежали плотные семена, некоторые уже потемнели. На пятом кусте Тави снял два сухих стручка и положил их в мешочек. Мара взглянула на его руки.

— Ты их уже проверил?

— На слух. Один звенит, другой нет.

— Звук — наблюдение. А что он означает?

Тави задумался.

— Пока ничего определённого. Может, в первом есть семена, а во втором нет.

— Вот это уже догадка. Запиши, а потом проверим.

Он написал на краю листа: «Стручок звенит. Предположение: внутри есть семена». Мара заметила, как старательно он вывел каждое слово. Вчера вечером он бы, наверное, написал просто: «Стручок пустой». Теперь он оставлял место между тем, что слышал, и тем, что думал.

За первый ряд они насчитали двадцать стручков. Семь оказались пустыми, ещё два содержали по одному маленькому семени. На следующем ряду результат был почти таким же: шесть пустых из двадцати.

Тави пересчитал столбцы в таблице.

— Это уже не один случай.

— Это два ряда на одном участке, — сказала Мара. — Значит, мы можем говорить о повторении здесь. Пока не о всём поселении.

Она вписала результаты в журнал, а пустые стручки уложила в бумажные мешочки. На каждом вывела участок, ряд, дату и номер образца. Тави добавил температуру: шестнадцать градусов на рассвете. На внутренней стороне одного мешочка он заметил пятно и показал Маре.

— Может, болезнь?

— Может. Но пока это только пятно. Давай не будем заставлять его отвечать за всё.

Они перешли на соседний участок, где росли ранние бобы. Земля там была плотнее, а стебли ниже. У самого края грядки бобовые кусты стояли в тонкой пыли, будто их слегка припорошили мукой. От пересохшего ручья тянуло запахом тёплого камня. Вода когда-то доходила отсюда до нижних полей, но теперь русло пересекала только узкая трещина в глине.

— В прошлом году здесь ручей ещё тек весной, — сказал Тави.

— Да.

— Значит, дело в воде?

Мара не ответила сразу. Она посмотрела на русло, потом на увядшие листья у края участка.

— Это важный вопрос. Но ответом он пока не стал. Запиши: ручей пересох. Не пиши: «из-за ручья пустые стручки».

Тави занёс наблюдение в отдельную графу. Затем они начали выборку на бобах. В двадцати стручках оказалось пять пустых. На солнце оболочки выглядели здоровыми, без чёрных пятен и размягчённых участков.

— Пять из двадцати, — сказал он. — Меньше, чем на первом участке.

— Да. И это тоже важно. Результаты различаются.

— Но пустых стручков и здесь много.

— Достаточно, чтобы проверить дальше.

К полудню они осмотрели гороховый участок на северной стороне поселения. Здесь растения росли гуще, между ряда-

ми держалась влага от ночного тумана. Мара предложила использовать тот же способ отбора. Тави сам выбрал шаг, отсчитал каждый пятый куст и отбирал по два стручка. В одном из первых мешочков оказался стручок, полный мелких семян. В следующем — совершенно пустой.

После подсчёта вышло восемь пустых из двадцати четырёх. Тави посмотрел на цифру, потом на предыдущие записи.

— Значит, не только бобы.

— Значит, мы обнаружили похожий признак ещё у одной культуры.

Он нахмурился.

— Это одно и то же?

— Пока мы не знаем, — сказала Мара. — Одинаково выглядят пустые оболочки. Но причины могут быть разными.

В селении это различие мало кто хотел замечать. К обеде первые слухи уже обогнали их: у Мары, говорили, пропал урожай; бобы сгнили в земле; семена испортились в кладовых; старый ручей забрал плодородие. Некоторые версии звучали уверенно именно потому, что были знакомы.

У навеса над мастерской их остановила Рина, соседка с восточного склона. Она несла корзину гороха.

— У меня всё в порядке, — сказала она раньше, чем Мара успела спросить. — Стручки полные. Два ряда проверила.

— Сколько стручков?

— Ну, штук десять. Может, двенадцать.

— И все полные?

— Почти.

— Как ты выбирала?

Рина приподняла подбородок.

— Те, что выглядели хуже. Я решила убедиться, что пустых нет.

Тави нахмурился, но промолчал. Мара мягко попросила показать участок. Рина отвела их к грядкам и сразу стала срывать стручки с верхних кустов.

— Давай не будем менять твой вчерашний результат, — сказала Мара. — Запишем, как ты проверяла: стручки, которые выглядели хуже. А потом вместе возьмём новые, не выбирая по внешнему виду.

Рина скрестила руки.

— Если результат не совпадёт, это не значит, что я ошиблась.

— Не обязательно. Может, мы брали из разных частей участка. Может, у тебя действительно всё иначе. Нам важно понять, где именно различие.

Рина помедлила, затем протянула Мара корзину. Тави выбрал маршрут и провёл выборку по их правилу. Из двадцати стручков пять оказались пустыми. Два содержали едва заметные семена.

— Это уже не «почти всё полное», — сказал Тави, когда Рина отвернулась, чтобы закрыть калитку.

— Это другой способ смотреть, — ответила Мара. — Но мы не знаем, что увидели бы, если бы вчера брали случайные

стручки. Не переписывай её слова на наш счёт.

В журнал они внесли обе записи: десять или двенадцать выбранных Риной стручков, почти все полные; двадцать стручков, отобранных по общему правилу, пять пустых. Тави долго смотрел на две строки.

— Получается, её результат неверный?

— Он отвечает на другой вопрос. Она проверяла те стручки, которые выглядели хуже, и запомнила, что большинство было полным. Мы проверяли стручки по установленному порядку. Если смешать эти результаты, мы решим, будто люди спорят о фактах, хотя на самом деле они измеряют разное.

— Но если мы не скажем, что её способ был плохим, она может снова так посчитать.

— Тогда попросим её повторить проверку по общему правилу. Не для того, чтобы поймать на ошибке. Чтобы мы могли сравнить её участок с остальными.

К середине дня они вернулись в семенную комнату — низкий каменный склад возле старого колодца. Там пахло пылью, бумагой и сушёными травами. На столе Тави разложил мешочки в ряд, каждый этикеткой вверх. Мара принесла прошлогодний журнал и большую таблицу всхожести.

В прошлом году по бобам проверили сто семян: восемьдесят шесть дали ростки. В записях нашлись и выборочные подсчёты стручков с нескольких участков. Тогда из сорока отобранных стручков пустыми оказались два. Но Мара заметила внизу страницы мелкую приписку: «Сбор 18-го дня.

Сухая погода. Краевые кусты не включать».

— Мы сейчас тоже краевые не брали, — сказал Тави.

— Да. Но тогда стручки отбирали не обязательно по каждому пятому кусту. Вот в чём отличие.

— Значит, сравнение нечестное?

— Сравнение полезное, но ограниченное. В прошлом году пустые стручки тоже встречались, однако их было мало. А нынешние подсчёты, сделанные по одному правилу, показывают гораздо большую долю.

Тави указал на цифры.

— На первом участке тридцать пять процентов, на втором тридцать. На горохе треть.

— Верно. Запиши именно долю и число образцов, а не только проценты. Тридцать процентов из двадцати — это шесть. Тридцать процентов из ста — другое количество сведений.

Потом они занялись семенами, которые всё-таки были найдены внутри стручков. Часть взяли из свежих образцов, часть — из прошлогодних запасов. Мара разложила их на влажной ткани в неглубоких лотках и подписала каждый. Рядом поставила таблицу: культура, участок, дата, число семян, число проросших.

— Если прошлогодние семена не взойдут, значит, испортились при хранении? — спросил Тави.

— Возможно. Если взойдут — это тоже не объяснит пустых стручков, которые мы сняли сегодня.

— Потому что они были пусты ещё в поле.

— Именно. Хранение может повлиять на уже сформировавшееся семя. Но оно не может задним числом вынуть семена из свежей оболочки.

Тави усмехнулся.

— Хорошо бы и остальные объяснения проверялись так же быстро.

— Часть проверяется. Остальные требуют времени.

Они осмотрели оболочки под увеличительным стеклом. На некоторых обнаружались мелкие повреждения от насекомых. На нескольких были тёмные точки, похожие на следы плесени, но такие точки встречались и на стручках с полными семенами. Не оказалось ни общего налёта, ни одинакового размягчения, ни одного признака, который объяснял бы все пустые стручки сразу.

— Может, это разные болезни? — спросил Тави.

— Может. Но мы проверили только внешний вид. Для диагноза нужно больше.

— Значит, пока болезнь не доказана.

— И не исключена. Вот это и запиши.

К вечеру на столе стояли лотки, исписанные листы и мешочки с образцами. Тави несколько раз сверил номера, чтобы не перепутать восточный склон с нижним полем. В журнале появились три культуры и четыре участка. Результаты различались: где-то пустыми оказывались около четверти стручков, где-то больше трети. Однако ни один из проверен-

ных участков не повторил прошлогодний низкий показатель.

Когда Мара вышла за водой, у колодца уже собрались соседи. Там были Рина, Севел с нижней грядки и братья Орин и Кай, выращивавшие чечевицу. Они говорили одновременно.

— У меня сегодня двадцать стручков, восемнадцать полных, — настаивал Севел.

— А у меня пустых больше, чем полных, — отвечал Орин.
— На одном только ряду.

— Выбираешь самые плохие и пугаешь людей, — бросил Севел.

Мара подняла ладонь.

— Завтра мы запишем оба результата. Но для сравнения всем понадобится один способ отбора.

— У каждого свой участок, — сказал Севел. — Какой смысл в одинаковом способе, если земля разная?

— Чтобы видеть, действительно ли участки разные. Если каждый будет считать по-своему, мы не поймём, говорит ли разница о земле или о способе проверки.

Она объяснила простое правило: записывать участок, культуру, дату и температуру; брать стручки через одинаковое число кустов; отдельно считать пустые, частично сформировавшиеся и полные. Образцы складывать в подписанные бумажные мешочки. Не выбирать только те, что выглядят подозрительно. И, главное, сообщать результат, даже если он не подтверждает собственное ожидание.

Севел скептически хмыкнул.

— А если у меня всё нормально?

— Так и запишите: «по этой выборке всё нормально». Это важные данные.

— А если потом найдутся пустые?

— Тогда запишем и это.

Слова Маре дались легче, чем она ожидала. Она не обещала, что записи разрешат загадку. Не говорила, что они найдут виновного — в болезни, воде или погоде. Она просила только сделать следующий шаг так, чтобы его можно было повторить.

Тави раздал соседям листы с таблицей. Один из братьев сразу стал заполнять верхнюю строку, другой спросил, как отмечать стручок с одним крошечным семенем. Рина попросила ещё один мешочек для образцов. Севел забрал лист, но всё ещё держал его за угол, словно подозревал, что бумага собирается спорить с ним.

На закате Мара вернулась к бобовому участку. Пыльная тропа темнела, и на листьях снова оседала прохлада. Она сняла с кустов последние стручки для повторной проверки и вложила один в пустой мешочек. Тави подписал его уже без подсказки: участок, ряд, дата, время. Затем добавил число и температуру.

— Завтра мы узнаем больше? — спросил он.

— Завтра у нас будет больше записей.

— Это не совсем одно и то же.

— Нет. Но без первого второе не появится.

Он посмотрел на поле. В сумерках стручки снова казались одинаковыми — сухими, целыми, закрытыми. Утром каждый из них мог оказаться полным, пустым или промежуточным. Мара уже знала, что человеческая память умеет незаметно выбирать из этого ряда самое подходящее. Поэтому на этот раз они собирались не полагаться на память.

Она закрыла журнал, но не убрала его в сумку. Оставила на столе вместе с таблицей, чтобы соседи могли утром сверить свои записи и принести новые образцы. На последней странице Тави провёл линейкой несколько пустых строк.

— Для тех, кто ещё не ответил? — спросила Мара.

— Для тех, кого мы пока не спросили.

За окном лежал пересохший ручей. С разных участков доносились голоса: соседи обсуждали, кто начнёт проверку с утра и сколько времени займёт подсчёт. Ответа у них ещё не было. Но теперь у них появлялся общий способ задавать вопрос. И когда одна и та же странность возникала снова, её можно было не отмахнуться, не преувеличить и не спрятать в удобную версию, а проверить ещё раз.

Когда ошибка повторяется

На рассвете соседи начали приходить в мастерскую с записями, как будто несли не бумагу, а по горсти собственного страха.

Тави разложил листы на столе. На каждом были одинаковые графы: участок, культура, число отмеченных цветков, число образовавшихся стручков, число семян. Мара сверяла записи, а за окном постепенно светлело над сухим руслом. По нему уже давно не текла вода, но на дне всё ещё темнели гладкие камни, будто ручей собирался вернуться и просто задержался.

— Здесь ошибка, — сказала Мара, остановившись на одной строке.

Старик Эдран подался к столу.

— Я считал правильно.

— Не сомневаюсь. Только ты записал число стручков с семенами, а мы просили число стручков вообще.

— Если в стручке нет семян, разве это стручок?

— Для урожая — почти нет. Для проверки — пока да.

Эдран нахмурился, взял карандаш и исправил запись. У двери кто-то коротко хмыкнул, но никто не стал спорить. Уже одно это было переменной: прежде каждый защищал свой подсчёт так, будто вместе с ним защищал собственный участок.

Они пересчитали строки. В шести дворах отметили сто восемьдесят три цветка. Из них образовались сорок один стручок. В семнадцати нашли семена, причём в большинстве — по одному или два. В некоторых стручках не было ничего.

— У меня вышло больше, — сказал Тави, сравнивая листы. — Я включил два поздних цветка.

— Поздние цветки тоже цветки, — возразила соседка Вея.

— Верно. Тогда у всех надо проверить, включали ли мы их.

Проверка заняла ещё четверть часа. Результаты немного изменились, но не настолько, чтобы исчезла общая картина. Посевы цвели. Стручки завязывались. Семян почти не было.

Тави записал исправленную сумму на полях журнала и провёл под ней ровную черту.

— Теперь хотя бы знаем, что сравниваем одно и то же.

— А пока мы сравнивали каждый своё, — сказала Мара.

Она закрыла журнал, но не убрала его. В мастерскую вошли ещё двое соседей, и разговор сам собой перешёл от того, что случилось с растениями, к тому, что каждый пытался с ними сделать.

— Я посадил фасоль глубже, — признался Орен. Он потёр ладонью шею, оставив на коже серую полосу пыли. — Верхний слой пересыхает за день. На старой глубине семена лежали в горячей земле. Дед так делал, когда лето начиналось раньше обычного. Всходы появились позже, зато я ду-

мал, что корни доберутся до влаги.

— И добрались? — спросил Тави.

— Не знаю. Взошло меньше половины. Те, что взошли, стоят крепко. Цветов много. Семян нет.

Орен не оправдывался. Он говорил так, будто докладывал о поломанном колесе: вещь должна была работать, но не сработала. Мара знала, сколько семян он оставил в запасе. У него было четверо детей и участок, от которого зависели зимние припасы.

— Я увеличил полив, — сказал Глеб из дверей.

Он не вошёл, пока остальные не обернулись. За его спиной виднелись плечи двух насосчиков. Глеб владел насосами и следил за главной водяной линией. В поселении его часто ругали за цену подачи, а когда насос ломался — звали первым.

— Растения начали вянуть до полудня, — продолжил он.
— Я дал воде идти дальше. Листья поднялись, цветы не осыпались сразу. Значит, мера помогла.

— А стручки? — спросила Вея.

Глеб сжал губы.

— Пустые.

— И сколько воды ушло? — спросила Мара.

— Столько, сколько требовалось, чтобы не потерять грядки.

— Это не число.

— А если бы я ждал, пока кто-нибудь принесёт таблицу,

у тебя бы сейчас не осталось ни грядки, ни таблицы.

В его голосе была злость, но не только она. На правом рукаве темнело пятно машинного масла. Насосы работали почти без остановки, а запасные детали покупали в кредит. Каждый лишний час прокачки воды имел цену — и для Глеба, и для всех, чьи участки зависели от общего колодца.

— Я не говорю, что ты зря спасал растения, — сказала Мара. — Я спрашиваю, что изменилось после этого. Листья ожили. Семян не прибавилось. В нижней цистерне уровень упал на две ладони.

— Его и без меня никто не пополняет.

— А в западной канаве вчера стояла вода.

— Там сырее земля.

— Именно. Если мы не запишем, сколько берём и где поливаем, мы не поймём, что именно сработало.

— Зато я понимаю, что будет, если перестать поливать.

— Я не предлагаю перестать.

Глеб посмотрел на неё так, будто это уточнение ничего не меняло.

— Я хочу прекратить незаписанные добавки и сначала проверить участки. Не вырубать воду, а перестать делать вид, что больше всегда значит лучше.

— Привычный способ однажды помог, — буркнул кто-то у стены.

— Да, — ответила Мара. — Поэтому мы продолжаем им пользоваться. Но если он перестал давать нужный результат,

упорство не превращает его обратно в правильный.

В мастерской повисла тишина. Глеб отвёл взгляд к столу. Тави уже вынул из шкафа старые журналы и листал их, осторожно переворачивая ломкие страницы.

Мара помогла ему. Среди бумаг лежал блокнот, испачканный синей краской. На обложке значилось: «Засуха. Четыре года назад». Тогда ручей тоже обмелел, жара пришла раньше срока, и поселение спасало урожай теми же средствами, что сегодня. Глубже сеяли бобы. Дольше качали воду. На грядки высыпали больше удобрений.

Тави провёл пальцем по записям.

— Здесь написано: «После подкормки листья крупнее, цветение задержалось». А дальше: «Стручков мало, семян почти нет».

— Это тот сезон, когда урожай вытянули на северные участки? — спросил Орен.

— Да. А нижние поля отдали под корм скоту, — ответил Эдран. — Тогда мы решили, что просто не хватило воды.

— Решили или записали? — спросила Мара.

Эдран нахмурился, но потом взял лист и прочитал сам:

— «Вероятно, не хватило воды». Вот так здесь и написано. Вероятно.

— А проверить почву и воду тогда успели?

Никто не ответил.

В тот год они спасли часть урожая, перенаправив воду с одних полей на другие. Это было необходимо. Но в записях

не нашлось ни одного сравнения: сколько влаги осталось в почве, что было в колодезной воде, сколько насекомых прилетало на цветущие грядки. Люди запомнили, что трудились без сна и собрали хоть что-то. Не запомнили, какие именно действия помогли, а какие только прибавили расходов.

Мара вспомнила другой лист — из прошлогоднего сезона. На нём сосед записал: «Добавили удобрение. Рост хороший. Семян нет». Ниже, другим почерком: «Мало полива». А ещё ниже: «Поздний ветер». Три объяснения, ни одного измерения.

В поселении умели терпеть. Терпение часто спасало их от голода. Но оно же позволяло слишком долго повторять то, что уже перестало работать.

Вея поднялась со скамьи.

— Я купила удобрение в долг. Листья на грядке стали тёмными, крепкими. Я думала, укреплю растения, пока земля не высохла окончательно. Теперь у меня долг, а семян всё равно нет.

Она произнесла это ровно, но пальцы сжали край рукава.

— Мы не знаем, виновато удобрение или нет, — сказала Мара. — И не знаем, помогло ли оно растениям выдержать жару. Но если добавлять его снова, не сравнив грядки, мы заплатим ещё раз за тот же вопрос.

— Земля пустая, — возразила Вея. — Что ещё ей дать?

— Сначала понять, пустая ли она. И если да, то чего именно ей не хватает.

— Ты хочешь, чтобы мы ждали, пока растения сами объяснятся?

— Нет. Я хочу, чтобы мы перестали заставлять их молчать под новыми слоями воды и порошка.

Тави повернул к стене старую доску объявлений. Снял расписание насосов, сорвал оборванный лист с ценами на муку и вытер доску тряпкой. Мара достала мел.

— Давайте запишем не только то, что сделали, — сказала она. — Запишем, чего ожидали, что увидели и чем за это заплатили.

Она разделила доску на четыре колонки. Над первой написала: «Действие». Над второй: «Ожидаемый эффект». Над третьей: «Наблюдаемый результат». Над четвёртой: «Побочный ущерб».

— Слишком длинно для одной доски, — сказал Глеб.

— Зато короче, чем второй неурожай.

Первым записали глубокий посев Орена. Ожидали, что семена окажутся ближе к влаге. Получили поздние и редкие всходы, а семян в стручках больше не стало. Побочный ущерб: часть запаса ушла, а растениям досталось меньше времени до жары.

Орен сам добавил последнюю строку.

Потом внесли удлинённый полив. Ожидали поддержать цветы и не дать растениям увянуть. Листья поднялись, цветы продержались дольше. Семян не прибавилось. Уровень цистерны снизился, а до дальнего ряда вода дошла позже.

Глеб прочитал запись, но не стал её стирать.

Строка Вей оказалась сложнее. Удобрение дало густую листву. Цветение продолжалось, пустых стручков оставалось много. На поверхности почвы в нескольких местах выступил белёсый налёт. Вея подтвердила, что раньше там такого не замечала. Никто не сказал, что налёт вызвало именно удобрение. Записали только, что он появился на обработанной полосе, а на соседней пока не был замечен.

— И долг, — напомнила Вея.

Мара вписала долг в последнюю колонку. Не потому, что деньги могли повлиять на рост растений, а потому, что цена действия тоже была частью результата.

Постепенно доска заполнилась. Возникли разные подробности: на тёплом участке растения развивались быстрее, но цветки осыпались раньше; в низине стручков оказалось больше, зато там почва оставалась влажной; на грядке у старого улья пчёл видели чаще, но никто не записывал, сколько именно. Каждая строка по отдельности выглядела как случайность. Вместе они складывались в рисунок.

Все пытались изменить видимое: глубину, воду, подкормку. И почти никто не проверял, что меняется под землёй, в воде и вокруг цветков.

— Получается, мы просто выбирали привычное действие и надеялись, — сказал Тави.

— Мы делали то, что раньше работало, — резко отозвался Орен.

— Да, — сказала Мара. — Это не глупость. Это опыт. Но опыт полезен только тогда, когда мы смотрим, что произошло после него. Иначе он превращается в семейную поговорку.

— Моя мать говорила: если листья бледные, подкорми, — сказала Вея. — Я всю жизнь так делала.

— Возможно, ей это помогало, — ответила Мара. — На другой земле, в другой воде, при другой жаре.

Глеб подошёл к доске. Он долго смотрел на строку о цистерне, затем взял мел.

— Я добавлю сюда одно. Дополнительный полив пошёл не только на мои участки. Я открыл боковой затвор, чтобы вода дошла до грядок Орена. Не записал объём.

— Зачем? — спросил Орен.

— Ты был на дальнем участке. Я видел, что у тебя вянут листья.

— Я не просил.

— Знаю.

Он написал: «Объём не учтён». Почерк у него был тяжёлый, как и рука, которой он крутил насосные вентили.

— Завтра закроешь затвор? — спросил Тави.

— Не закрою. Поставлю мерную отметку на подаче. Если вы хотите узнать, что происходит, вода тоже должна стать числом.

Мара кивнула.

— И не будем менять полив на всех участках. Только на

одном тестовом ряду, одинаковое количество воды для всех растений.

— Значит, вы всё-таки собираетесь поливать меньше? — спросил Глеб.

— Мы собираемся поливать измеренно.

Эти слова не понравились никому сразу. Они не обещали, что растения оживут, что семена появятся или что долги исчезнут. Зато в них было меньше беспомощности, чем в привычном «давай ещё немного».

К полудню они выбрали грядку у мастерской. Там росла фасоль из одной партии семян, посеянная в один день и на одинаковую глубину. Грядка была небольшой, всего двенадцать растений, зато земля на ней не отличалась резко от края к краю.

Мара предложила отметить на каждом растении по две группы цветков. Одну оставить открытой для пчёл и других насекомых, вторую прикрыть лёгкой сеткой. Тави вызвался считать посещения: сколько насекомых сядет на открытые цветки за десять минут утром и вечером. Орен принёс деревянные метки, чтобы отметить каждый цветок и потом проверить, образовался ли стручок и есть ли в нём семена.

Глеб согласился подавать воду на тестовую грядку строго отмеренными порциями. Вея принесла баночки для проб почвы и воды.

— Мы всё равно не узнаем за день, — сказала она, ставя банки на стол.

— Хорошо, что не узнаем, — ответила Мара. — Если решение кажется очевидным за один день, возможно, мы просто снова торопимся.

Она сказала это мягко, и Вея впервые за утро улыбнулась.

Почву взяли из трёх мест: у открытой грядки, у обработанного удобрением участка и возле нижней канавы. Воду набрали из колодца и из накопительной цистерны. На банках написали не только место, но и время. Для проверки нашли старый набор полосок, которым раньше определяли, не стала ли вода слишком солёной. Его показания были грубыми, но годились для первого сравнения.

Ничего ещё не было доказано. Насекомые могли быть редкими из-за жары, а могли просто прилетать в другое время. Почва могла отличаться по влажности и составу. Вода из разных источников могла вести себя по-разному. Даже сетка над цветками меняла не только доступ пчёл, но и движение воздуха. Тави предложил записать и это, а Мара внесла огорку на край листа.

— Значит, наш опыт тоже не идеальный, — сказал Орен.

— Конечно, — ответила она. — Но он будет честным, если мы запишем, что именно сделали и чего не знаем.

К вечеру доска в мастерской стала тесной. Люди задерживались у неё, читали строки и находили в них собственные участки. Никто больше не говорил, что всё случилось из-за одной причины. Зато несколько человек уже предлагали проверить землю в своих огородах и записать, где именно

пропадает вода.

Глеб остался у доски, когда остальные разошлись.

— Ты могла бы сразу сказать, что я качал слишком много,

— произнёс он.

— Могла бы. Но я не знаю, сколько было слишком много.

— Удобный ответ.

— Не очень. От него никакой пользы, пока не появятся цифры.

Он хмыкнул и поправил мел, который скатился к краю полки.

— Завтра у зернового элеватора собирают совет по запасам. Если мы не решим, как делить воду и что делать с семенами, там начнут спорить громче, чем здесь.

Тави посмотрел на доску.

— Возьмём её записи.

— Доску не унесёшь, — заметила Мара.

— Тогда перепишем таблицу. И результаты тестовой грядки, если к утру появятся.

— К утру появятся только первые отметки, — сказала она.

— Не выводы.

— Тем лучше, — ответил Тави. — Значит, на совете придётся обсуждать не только, что мы думаем, но и что мы уже проверили.

Мара оглянулась на заполненные колонки. Никакая строка не обещала урожая. Зато теперь было видно, где усилие превращалось в действие, а где — в привычку, которая

оставляла после себя пустые стручки, высохшие цистерны и неоплаченные счета.

Утром они снова проверят грядку. Потом пойдут к элеватору — туда, где решалось, чем поселение переживёт сезон, если семян не будет и в следующем году.

Совет у зернового элеватора

На рассвете Мара присела у тестовой грядки и коснулась почвы двумя пальцами. Верхний слой был сухим, под ним земля ещё держала ночную прохладу. На первой полосе из двадцати четырёх зёрен показались восемнадцать ростков, на второй — пятнадцать, на третьей — девятнадцать. Один деревянный колышек накренился, а возле него темнело пятно: туда стекла лишняя вода.

Тави записал цифры, не поднимая головы.

— Значит, первая полоса лучше, — сказал он.

— Значит, сегодня на первой полосе больше ростков, — поправила Мара. — И в одном месте было мокрее. Мы ещё не знаем, почему.

Он посмотрел на неё и перечеркнул слово «лучше», уже выведенное на полях.

— Совет оценит такую точность.

— Совет, скорее всего, оценит запас зерна.

Они свернули записи и пошли к элеватору. Над крышами клубилась пыль. Длинное здание стояло в центре поселения, как огромный глиняный сосуд, который ещё не разбили, но уже боялись наклонить. У ворот собрались люди. Некоторые держали в руках пустые мешки, будто пришли не говорить, а успеть занять место в очереди.

Из приоткрытой двери пахло зерном и горячим железом.

Запах был тёплый, почти домашний. Оттого особенно трудно было смотреть на замок.

— Пока весы не покажут остаток, разговор будет вестись о том, кто громче кричит, — сказал Харлан, смотритель элеватора. Он снял с пояса связку ключей и поднял её, чтобы люди видели. — А я не собираюсь открывать склад под общий шум.

— Ты и раньше открывал не всем, — отозвалась женщина из толпы.

— Раньше были списки.

— И в них не оказалось моих работников, — сказала Вейра, хозяйка большого поля. Она стояла прямо, сцепив руки за спиной. — Они пахали на меня, а зерно получали по домовому списку, где их не было.

— Тогда пусть каждый заберёт своё, — выкрикнул кто-то у ворот. — Пока чужие не добрались.

— Чьё именно своё? — спросил Тави.

На секунду стало тихо. Потом заговорили сразу несколько голосов.

Совет собрался в тени грузового навеса. Стульев не хватило, и часть людей осталась стоять вдоль стены. На дверь элеватора повесили доску для объявлений; теперь её поставили на козлы, чтобы всем было видно. Мара раскрыла тетрадь, но не стала сразу начинать.

Харлан вынес журнал и положил рядом с весами.

— За замком восемнадцать тысяч шестьсот килограм-

мов зерна, — сообщил он. — После проверки семьсот килограммов признаны непригодными: сырость, плесень, примесь. Пригодного — семнадцать тысяч девятьсот.

— Ты сам проверял? — спросила Вейра.

— Я и Сава. Взвешивали отдельно. Записи есть.

— А если ошиблись?

— Тогда покажем мешки и пересчитаем при комиссии. Сейчас я называю не истину с неба, а то, что мы измерили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.